

Екатерина ЛЕВИНТОВА

Дискурс интеллектуалов в России и Польше: сравнительный анализ¹

Постановка вопроса. В статье сравниваются тренды дискурсов интеллектуальных элит России и Польши в постсоциалистический период (начиная с 1992 г. и 1989 г. соответственно). Если в предыдущих публикациях² мною выявлены основные закономерности эволюции российских интеллектуалов, то в данном исследовании я рассматриваю различия в характере развития дискурсов, артикулируемых не только российской, но и польской интеллектуальными элитами. Актуальность такой постановки проблемы обусловлена тем, что как в России, так и за рубежом пока отсутствуют работы, в которых бы дискурс исследовался как совокупность политических, экономических, внешнеполитических, идеологических и межэтнических предпочтений интеллектуальной элиты. На мой взгляд, важно понять, насколько российский опыт соответствует опыту бывших социалистических стран, или же и здесь Россия идет своим, "самобытным", неповторимым путем.

В план исследования входило изучение трендов эволюции дискурса польской интеллектуальной элиты, полученных в ходе контент-анализа по десяти дихотомическим категориям³, аналогичных тем, что были использованы при рассмотрении российского материала. Польские данные сопоставлялись с результатами российской фазы исследования, что давало возможность говорить о причинах выявленных сходств и различий. В России исследование охватывало интервал с 1992 г. (момент фактической независимости России) по 2001 г. (окончание россий-

ской фазы исследования). В Польше анализировались данные с 1989 г. (времени проведения первых демократических выборов) по 2002 г. (окончание польской фазы исследования).

Возникает законный вопрос, почему для сопоставления с Россией была выбрана именно Польша? При сравнительном анализе, проводимом в данной работе, наиболее общим принципом выбора исследуемых государств является их принадлежность к постсоциалистической группе. Польшу и Россию сближает то, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов к власти в обеих странах пришли политические элиты, активно дистанцирующиеся от предыдущих, коммунистических установок и декларирующие приверженность новым демократическим, прозападным, свободнорыночным, толерантным и либеральным принципам. Но при кажущейся общности постсоциалистического развития, Польша и Россия представляют две своеобразные модели постсоциалистического развития: восточно-европейскую и постсоветскую.

В Польше, несмотря на циклическую ротацию политической элиты (либералы чередуются с социал-демократами), первоначальная ориентация элиты осталась неизменной. Этим она отличается от России, в которой стабильность кадрового состава элиты сопровождалась значительной сменой предпочтений. Постсоциалистический опыт Польши весьма характерен для всей Восточной Европы. Поэтому Польша как объект сравнительного анализа, с одной стороны, в принципе сопоставима с Россией, а с другой — обладает

¹ Данное исследование проводилось при частичной финансовой поддержке Американского Совета по международным исследованиям и обмену АЙРЕКС (IREX), распоряжающегося средствами выделенными Национальным гуманитарным фондом (National Endowment for the Humanities), Государственным Департаментом США (US Department of State, Title VIII Program) и Фондом поддержки ученых АЙРЕКС (IREX Scholar Support Fund), а также при частичной поддержке Программы обмена региональными исследователями, финансируемой Бюро образовательных и культурных программ Государственного Департамента США на основании Акта Фулбрайт-Хейз (Fulbright-Hays Act of 1961 as Amended) и проводимой Американским Советом по международному образованию (ACTR/ACCELS). Ни одна из упомянутых организаций не несет ответственности за высказанные в статье взгляды. Автор благодарит профессоров Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина (Отдел социально-политических исследований ВЦИОМ) и профессора Иоанну Курчевска (Отдел исследований социальных изменений и традиций Института философии и социологии Польской академии наук) за высказанные замечания и дополнения.

² См.: Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 16-26; № 5. С. 18-33.

³ Описание дихотомических пар приводится ниже, в разделе "Методика исследования".

опытом, типичным для восточноевропейского региона, а с третьей — является тем необходимым контрастом, на фоне которого отчетливо видны особенности российской модели. Пользуясь терминологией Дж.С.Милля, автор применяет метод "сравнения двух противоположностей"¹. Сопоставление двух разных схем постсоциалистического развития позволяет выявить как черты сходства, так и существенные различия между ними.

Теоретическое значение исследования. В данном проекте затрагиваются два фундаментальных вопроса социологической и политологической литературы. Во-первых, понимание той роли, которую интеллектуальная элита играет в постсоциалистических обществах. Во-вторых, расширение круга литературы, описывающей постсоциалистический дискурс.

Литература по социологии интеллектуалов. В настоящее время все еще продолжается спор между сторонниками социально-экономической трактовки интеллектуалов и приверженцами социоэтической интерпретации этой социальной группы. Основной конфликт между двумя школами сводится к выяснению вопроса о функции интеллектуалов в обществе. Представители социоэкономического направления² полагают, что интеллектуалы — лишь одна из многочисленных социальных групп, выделяемая на основании либо специфики профессиональной деятельности

(производство или воспроизводство идей), либо общих социальных признаков (образование, характер занятости, политические ориентации). Важно, что качественно интеллектуалы ничем не отличаются от остальных социальных групп. Вторая же, социоэтическая, школа¹ рассматривает интеллектуалов как особую социальную страту. По мнению представителей этого направления, интеллигенция обладает высокими моральными качествами и посвящает свою жизнь и деятельность защите интересов общества. Характерен даже сам выбор терминов. Социоэкономическая школа оперирует понятием "интеллектуал", тогда как предмет изучения социоэтического направления — "интеллигенция".

Если Социоэкономическая школа не отрицает сотрудничества интеллектуалов с властью, то социоэтическое направление подчеркивает оппозиционность интеллигенции политической элите. К социоэкономическому направлению можно отнести представителей функциональной школы (например, С.Липсета, Э.Шилза и Т.Парсонса), ученых, работающих в рамках теории "интеллектуалы как новая элита" (например, Д.Конрада и И.Зелены, А.Гоулднера, и Дж.Карабеля), "конфликтологов" (Р.Дарендорфа) и некоторых современных российских и восточноевропейских исследователей (например, К.Барбакову и В.Мансурова, Л.Гудкова и Б.Дубина, Е.Мокшицкого, Дж.Бороша и К.Саутурта, А.Бозоки)². Всех этих авторов объединяет видение интеллектуалов как части политической элиты. По их мнению, либо групповые интересы интеллектуалов и политиков совпадают, либо политическая элита просто нуждается в знаниях и

¹ Mill J.S. How We Compare // Comparative Politics / Ed. B.E.Brown, R.C.Macridis. N.Y., 1996.

² См., например: Weber M. Science as a Vocation and Politics as a Vocation // From Max Weber: Essays in Sociology / Ed. H.H.Gerth, C.W.Mills. N.Y., 1946; Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1950; Mannheim K. Ideology and Utopia. N.Y., 1936; Parsons T. The Intellectuals: A Social Role Category // Theoretical Studies/Case Studies on Intellectuals / Ed. P.Reiff. Garden City (N.J.), 1970; Lipset S.M., Brym R. Intellectuals and Politics. L., 1980; Shils E. The Intellectuals and the Powers // Theoretical Studies/Case Studies on Intellectuals / Ed. P.Reiff. Garden City (N.J.), 1970; Coser L. Men of Ideas: A Sociologist's View. N.Y., 1970; Dahrendorf R. The Intellectual and the Society: The Social Function of the 'Fool' in the Twentieth Century // Theoretical Studies/Case Studies on Intellectuals / Ed. P.Reiff. Garden City (N.J.), 1970; Gouldner A.W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. N.Y., 1979; Konrad G., Szelenyi I. The Intellectuals on the Road to Class Power, Brighton (RI), 1978; Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, 1984; Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton (N.J.), 1990; Ziolkowski M. Group Interests and Group Consciousness in the Process of System Transformation: The Case of the Polish Intelligentsia // The Centennial Review. 1993. Vol. 37. N 1. P. 115–134; Jedlicki J. What's the Use of Intellectuals? // Polish Sociological Review. 1994. Vol. 106. N 2. P. 101–110; Karabel J. Towards a Theory of Intellectuals and Politics // Theory and Society. 1996. Vol. 25. P. 205–233; Chajkowska B.B. From Tribunes to Citizens: Polish Intelligentsia During and After Communism: Ph.D. Dissertation. College Park (MA), 1999.

¹ К этой школе можно отнести: Gella A. Life and Death of the Old Polish Intelligentsia // Slavic Review. 1971. Vol. 30. N 1. P. 5–6; Malia M. What is the Intelligentsia? // Daedalus. 1960. Vol. 89. P. 441–458; Лихачев Д.М. О русской интеллигенции: Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9; Sandmirskaia I. Old Wives' Tales: Notes on the Rhetoric of the Post-Soviet Intelligentsia // Intelligentsia in the Interim: Recent Experiences from Central and Eastern Europe. Lund, 1995; Tolstaya T. The Perils of Utopia: The Russian Intelligentsia under Communism and Perestroika // Development and Change. 1996. Vol. 27. N 2. P. 315–329.

² См. работы, приводимые ранее, а также: Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991; Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., 1995; Mokrzycki E. Is the Intelligentsia Still Needed in Poland? // Polish Sociological Review. 1995. Vol. 4. N 112. P. 341–348; Borocz J., Southworth C. Decomposing the Intellectuals' Class Power: Conversion of Cultural Capital in Income. Hungary, 1986 // Social Forces. 1996. Vol. 74. N 3. P. 797–821; Bozoki A. The Rhetoric of Action: The Language of Regime Change in Hungary // Intellectuals and Politics in Central Europe / Ed. A.Bozoki. Budapest, 1999.

опыте интеллектуалов. Представители же социоэтического направления (например, Д.Лихачев, Т.Голстая, А.Гелла, В.Семенов, В.Меметов и А.Данилов, М.Гаспаров)¹ утверждают, что интеллигенция является носителем универсальных, а не узкогрупповых, ценностей и интересов. Современные польские ученые² придерживаются компромиссных позиций. Они признают существование как "политических интеллектуалов" (союзников правящей элиты), так и "интеллектуалов культуры" (создателей универсальных культурных и моральных норм).

Я придерживаюсь первой, социоэкономической интерпретации интеллектуалов. Даже поверхностный взгляд на проблему обнаруживает, что интеллектуалы активно участвуют в идейном обеспечении нужд постсоциалистической правящей элиты. Однако природа взаимоотношений между интеллектуальной и политической элитами выяснена пока не до конца. В какой мере интеллектуальная элита защищает интересы своих политических "заказчиков", а в какой она вольна в выражении собственных взглядов? Имеются ли какие-либо различия в этих взаимосвязях в России и в Польше? Поиск ответов на эти вопросы и составляет предмет данного исследования.

Литература, описывающая политический дискурс в постсоциалистических обществах. Одним из проявлений сотрудничества между интеллектуальной и политической элитами является артикуляция последней официальной позиции. Иными словами, публичная риторика интеллектуалов, сотрудничающих с правящим режимом, позволяет судить о предпочтениях самих властей. Многочисленные российские и польские авторы уже описали ключевые элементы постсоциалистического дискурса. Общим постулатом исследований А.Чижевского с соавторами, А.Баранова с соавторами, М.Ильина, А.Темкиной и В.Григорьева, А.Корниенко, Б.Межуева, Г.По-

жарлика и К.Трутковского¹ является установление различий в интерпретации важнейших элементов политического дискурса. Так, эти авторы обнаружили, что исследуемые ими социальные акторы вкладывают различные значения в понятия "национальные интересы", "свобода", "равенство", "справедливость", "государственность", "европейская интеграция" и т.д. Однако подобные исследования ограничиваются лишь рассмотрением единичных элементов дискурса, а не комплекса предпочтений социальных акторов. К тому же, они рассматривают дискурс как нечто статичное и в строгой привязке к весьма короткому хронологическому интервалу. Важной исследовательской задачей при изучении дискурса является не только описание и анализ эмпирических данных, но и попытка установить мотивацию при артикуляции дискурса. Цель данной работы — проследить развитие комплекса политических, идеологических, экономических, внешнеполитических и межэтнических предпочтений одного, но крайне важного социального актора — интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящим режимом, — в течение всего постсоциалистического периода как в России, так и в Польше.

Концептуальные основы исследования. *Определение "интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящим режимом"² как объекта исследования.* Настоящая работа посвящена изучению

¹ См. работы, приводимые ранее, а также: Семенов В.С. Трагико-диалектические испытания интеллигенции // Интеллигенция: Проблемы гуманизма, народа, власти. М., 1995; Меметов В.С., Данилов А.А. Интеллигенция России: Уроки истории и современность // Интеллигенция России: Уроки истории и современность. Иваново, 1996; Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция: История и судьба. М., 1999.

² См., например: Szacki J. Dylematy historiografii idei. Warszawa, 1991; Bauman Z. Intimations of Post-Modernity. N.Y.: Routledge, 1992; Kurczewska J. The Polish Intelligentsia: Retiring from the Stage // Polish Sociological Bulletin. 1992. Vol. 2; Kempny M. Between Politics and Culture // Polish Sociological Review. 1996. Vol. 4. P. 297-307.

¹ Czyzewski A. et. al. Rytualny chaos: studium dyskursu publicznego. Krakow, 1997; Czyzewski A. et. al. Cudze problemy: o waznosci tego, co nie wazne. Warszawa, 1991; Баранов А., Добровольский Д., Захваткин М. и др. Россия в поисках идеи. Анализ прессы: Рабочие материалы. М.: Группа консультантов при Администрации Президента РФ, 1997. Вып. 1.; Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Межуев Б. Концептуализация "национального интереса" в политических дискуссиях // Социальные исследования в России. Самопознание общества. М.: Полис, 1998; Темкина А., Григорьев В. Динамика интерпретативного процесса: Трансформация в России // Социальные исследования в России. Самопознание общества. М.: Полис, 1998; Pozarlik G. Polish Political Parties and Discourse on Polish Reason D'Etat on the Eve of the European Union Membership // Between Animosity and Utility: Political Parties and Their Matrix / Ed. H.Kubiak, J.J.Wiatr. Krakow, 2000; Trutkowski C. Spoleczne reprezentacje polityki. Warszawa, 2000; Корниенко А.В. Ценностные приоритеты современной российской прессы и их смысловые доминанты // Журналистика и социология. Россия, 90-е годы: Монографический сб. статей / Ред.-сост. С.Г.Корконосенко. СПб.: СПб.ГУ, 2001.

² Здесь и далее понятия "интеллектуалы/интеллектуальная элита, сотрудничающие/ая с правящим режимом/правящей политической элитой/властными структурами/властями", "интеллектуалы/интеллектуальная элита, связанные/ая с правящим режимом/правящей политической элитой/властными структурами/властями", "околовластные/ая интеллектуалы/интеллектуальная элита", "проправительственные/ая интеллектуалы/интеллектуальная элита" и "интеллектуальная элита" употребляются в качестве синонимов.

дискурса проправительственных, а не оппозиционных интеллектуалов. Их идеи, во-первых, могут быть открыто востребованы и использованы представителями власти. Во-вторых, здесь важна степень поддержки, которую отдельный представитель окол властной интеллектуальной элиты оказывает правящему режиму. Интеллектуальная элита, сотрудничающая с властными структурами, советует, рекомендует и объясняет действия правительства. Она не критикует правительственную политику.

Структурно *"интеллектуальная элита, сотрудничающая с правящим режимом"*, неоднородна. Она функционально дифференцирована. В ее состав входят: а) официально действующие интеллектуалы-политики, находящиеся или находившиеся непосредственно у власти, например, Е.Гайдар, Е.Ясин, А.Шохин, А.Кудрин в России и Г.Колодко, Л.Балцерович, Б.Геремек, Е.Вятр в Польше; б) официальные советники, эксперты, консультанты, идеологи, доверенные лица, находящиеся при политической элите, но не входящие в нее непосредственно, например, С.Васильев, Г.Павловский, С.Кордонский, Л.Смирнягин, А.Салмин в России и А.Михник, М.Домбровский, В.Кучински, Л.Никольски, Я.Закшевска в Польше.

Представители первой подгруппы, или *"интеллектуалы-политики"*, совмещают основную политическую активность с интеллектуальной деятельностью, в частности, они артикулируют официальную позицию правительства. Хотя для этой подгруппы интеллектуальная активность вторична и является продолжением политических обязанностей, редкие высказывания интеллектуалов-политиков крайне важны, так как позволяют напрямую судить о мотивах действий правительства.

Представители второй подгруппы, или *"интеллектуальное окружение политической элиты"*, находятся при властных структурах, но непосредственно не входят в них. Основной их функцией является производство идей, рекомендаций и идеологических обоснований правительственных решений и действий. Входящие в интеллектуальное окружение не являются публичными политиками. Они не принимают политических решений и не несут прямой ответственности перед избирателями за последствия своих рекомендаций.

Термин *"интеллектуальная элита, сотрудничающая с правящим режимом"*, не несет никакой нормативной оценки. Он не предусматривает качественных различий между проправительственными интеллектуалами и интеллектуалами, не сотрудничающими или не поддерживающими

ми властные структуры. Многочисленные труды по проблеме элит в России и Восточной Европе¹ давно обозначили отсутствие существенных качественных различий между элитой и обществом. Основными характеристиками постсоциалистических элит являются функциональные, позиционные, корпоративные и номенклатурные признаки, в частности, их способность контролировать распределение ресурсов (финансовых, информационных, административных и т.д.). Единственным критерием, по которому тот или иной интеллектуал классифицировался мной как представитель интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящим режимом, является социальная принадлежность к одной из обозначенных подгрупп.

Вычленение дискурса интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящим режимом, из текстовых источников. Под "дискурсом интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящим режимом", автор понимает устойчивый набор высказываний на темы важнейших общественных категорий, норм, ценностей и теорий, используемый для публичного объяснения намерений и действий политической элиты. Определение "публичное" имеет для автора принципиальное значение, поскольку иные, неофициальные высказывания и не доступны, и не отражают официальную позицию, по определению.

Для эмпирических исследований важна как идеология, так и дискурс. Действительно, мы можем судить об идеологии и дискурсе, изучая конкретные высказывания, публикации, другие вербальные и невербальные проявления индивидуальных взглядов. На этом, однако, сходство между идеологией и дискурсом **заканчивается**.

В отличие от идеологии, дискурс имеет социальную составляющую, а именно, подразумевает существование не только носителя (или коммуникатора), но и аудитории. Цель дискурса — воздействие на слушателя. Одновременно дискурс дает возможность аудитории получить представление и о самих коммуникаторах. Если при артикуляции идеологии важна сама ее **суть**, то при озвучивании дискурса важны ожидание, настроение и возможная реакция аудитории.

Второе отличие лежит в области методов исследования идеологии и дискурса.

¹ См., например: Хахулина Л., Тучек М. Распределение доходов: Бедные и богатые в постсоциалистических обществах // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1; Левада Ю. Элита и масса — проблема социальной элиты; Еще раз о проблеме социальной элиты // От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Идеологию можно представить как преломление важнейших общественных идей на индивидуальном уровне, тогда как дискурс подобен обнаружению личных идей на общественном "форуме". При изучении идеологии политолог или социолог опирается на уже заранее известные идеологические постулаты и схемы, чье присутствие может быть обнаружено в высказываниях конкретного индивидуума, а при анализе дискурса исследователь пытается вычленил некие общие закономерности в индивидуальной вербальной коммуникации, не заданные априорно. Наиболее эффективным методом изучения дискурса является контент-анализ, т.е. систематическая и объективная идентификация конкретных характеристик вербальной коммуникации.

В работе рассматриваются два типа дискурсов:

1. "*Либеральный*", включающий в себя поддержку демократии (в случае Польши — "*сильной*" формы демократии, предусматривающей участие граждан в демократическом процессе не только на этапе выборов)¹, идеологического и экономического либерализма (свободный рынок), прозападной внешней политики и этнической толерантности.

2. "*Государственнический*" ("*консервативный*", "*органический*", "*цивилизационный*"), характеризующийся положительным отношением к авторитаризму (в случае Польши — к "*элитной*" форме демократии, сводящей участие граждан в политическом процессе к выборам элиты)², идеологическому консерватизму (государственничеству), регулируемой экономике, независимой внешней политике, идее национального возрождения, уникальности и мессианской роли России и Польши или самих русских и поляков.

¹ Термин "сильная" демократия введен в политологический обиход в 1960-х годах, на волне неудовлетворенности чисто процессуальными, а зачастую элитарными, демократическими формами, но его родословная восходит к Руссо (*Rousseau J.J. On the Social Contract // Classics of Moral and Political Theory / Ed. M.L.Morgan. Indianapolis (IN), 1996*). Принципы "сильной" демократии подробно описаны у Т.Кука и П.Моргана (*Participatory Democracy / Ed. T.E.Cook, P.M.Morgan. San Francisco, 1971*), Г.Перри (*Participation in Politics / Ed. G.Parry. Manchester, 1972*), Дж.Пеннока и Дж.Чапман (*Participation in Politics / Ed. J.R.Pennock, J.W.Chapman. N.Y., 1975*), и Б.Барбера (*Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley, 1984*).

² "Элитная" форма демократии, упоминаемая еще Дж.Миллем (*Mill J.S. On Representative Government. L., 1861*), была впервые комплексно описана Й.Шумпетером (см. выше). Ее дальнейшее теоретическое обоснование мы находим в трудах Г.Сартори (*Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham (N.J.), 1987*) и раннего Р.Даля (*Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago, 1956*).

Автор не вкладывает никакого оценочного смысла в данные типы дискурсов, а использует их только для демаркации позиций представителей интеллектуальной элиты. Так, понятие "*государственничества*" используется в нейтральном значении как несоциалистическая альтернатива либерализму, и наоборот.

Артикуляция идей и взглядов, являющихся частью дискурса, может быть как устной (интервью исследователя с представителями интеллектуальной элиты), так и письменной (опубликованные высказывания представителей интеллектуальной элиты). Но для ретроспективного анализа, проводимого в настоящей работе, научный интерес представляли только письменные источники. Разумеется, было бы интересно выявить методом прямого интервьюирования предпочтения околоставных интеллектуалов. Однако при этом был бы крайне велик риск получить недостоверные данные об истинных взглядах интеллектуальной элиты на интересующие меня темы. С течением времени респонденты имеют обыкновение неточно или вообще неправильно воспроизводить свои взгляды и мнения. Поэтому автор счел целесообразным проанализировать дискурс, используя совокупность опубликованных речей, статей, выступлений, воспоминаний, стенограмм пресс-конференций и "круглых столов" с участием представителей российской и польской интеллектуальной элиты и предназначенных для внутренних аудиторий исследуемых стран. В основном эти работы были опубликованы в общедоступной печати и в Интернете.

Возникает вопрос: нельзя ли было проследить эволюцию официальных позиций по выступлениям высокопоставленных представителей самой политической элиты? Президенты Б.Ельцин и В.Путин, многочисленные российские премьеры, не говоря уже о польских президентах Л.Валенсе и А.Квасневском и премьер-министрах Т.Мазовецком, Я.-К.Белецком, Я.Ф.Ольшевском, Х.Сухотской, В.Павлаке, И.Олексы, В.Чимошевиче, Е.Бузеке и Л.Миллере, выступали с ежегодными посланиями Федеральному Собранию и Сейму, писали мемуары, были почетными докладчиками на различных форумах, произносили тосты на государственных приемах. Но такие публичные высказывания политической элиты слишком декларативны, детально не аргументированы и поэтому не подходят для реконструкции эволюции дискурса как комплекса предпочтений. К тому же они, как правило, написаны президентскими и правительственными пресс-секретарями, спич-райтерами, референтами и помощниками и потому вторичны.

Наиболее полная картина эволюции официальных взглядов восстанавливается по работам интеллектуальной элиты, сотрудничающей с властными структурами, чьей социальной функцией и является как артикуляция, так и передача взглядов политической элиты для общественного пользования. Эти работы дают более полное представление об эволюции официальных позиций. Они объясняют факты, а не просто их констатируют. В течение исследуемого периода российские и польские проправительственные интеллектуалы создали обширный массив документов в письменной форме, отражающих фундаментальные политические, идеологические, экономические, внешнеполитические и межэтнические предпочтения. Они вполне пригодны для проведения моего анализа. Эти документы содержат общественно ориентированную и систематическую артикуляцию официальных позиций российской и польской постсоциалистических правящих элит.

Для автора неважно, кто является первоисточником официальной позиции. Разумеется, интеллектуальная элита редко действует самостоятельно. Чаще она лишь обслуживает политическую элиту. Однако данная работа требует другой постановки вопроса: по чьим работам можно наиболее полно воссоздать элементы официальных воззрений? Несомненно, что работы интеллектуальной элиты представляют наиболее приемлемый материал для анализа. Они и служат источником моих эмпирических данных.

Методика исследования. В данной статье используется метод контент-анализа, в рамках которого мною вычлняются оценки определенных понятий (см. ниже табл. 2–5). Важно, что четко обозначенное отношение коммуникатора к интересующим меня терминам может быть получено только из довольно обширного текстового фрейма (расширенные словосочетания, фразы, фрагменты текста).

Выборка. В отличие от А. Баранова с соавторами, А. Чижевского с соавторами, Б. Межуева, А. Темкиной и В. Григорьева, К. Трутковского, А. Корниенко¹ и других ученых, основывающих свои исследования дискурса на выборке из различных средств массовой информации (например, по определенной газете, журналу за определенный период), я работаю с выборкой коммуникаторов дискурса. При этом, поскольку я

¹ См. Czyzewski A. et al. Op. cit.; Баранов А., Добровольский Д., Захваткин М. и др. Указ. соч.; Ильин МБ. Указ. соч.; Межуев Б. Указ. соч.; Темкина А., Григорьев В. Указ. соч.; Pozarlik G. Op. cit.; Trutkowski C. Op. cit.; Корниенко А. В. Указ. соч.

изучаю специфическую и довольно однородную группу, для меня неважно в каких именно изданиях были опубликованы высказывания представителей проправительственной интеллектуальной элиты. Ясно, что их труды не появляются в оппозиционных властям журналах, газетах или издательствах. Для меня важно *что*, а не *где* было высказано представителями интеллектуальной элиты.

При создании выборки я опиралась на опрос российских и польских экспертов. Мной опрошено 40 российских и 26 польских специалистов. Российские респонденты назвали 41, а польские — 49 коммуникаторов дискурса, отвечающих моим критериям¹. Не все упомянутые коммуникаторы входили в состав интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящими властными структурами, на всем протяжении исследуемого периода. Анализируемая группа, несомненно, была подвержена ротации. Отдельные коммуникаторы временно или навсегда "выпадали" из постсоциалистической интеллектуальной элиты и на смену им приходили новые кадры². Но, в совокупности, работы интеллектуалов, которые в определенный момент сотрудничали с властными структурами, дают представление об эволюции дискурсов интеллектуальных элит в постсоциалистических России и Польше, а значит, и об эволюции официальных позиций российских и польских политических элит.

Методом контент-анализа мною обработаны 251 публикация 26 представителей российской интеллектуальной элиты и 269 публикаций

¹ Хотя польскими экспертами упоминалось примерно 80, а их российскими коллегами — 120 человек, многие из них не подходили под заранее установленные мною критерии отбора. Например, часто упоминались представители непосредственно политической элиты (Л. Миллер, Е. Бузек, А. Квасневский, В. Черномырдин, Б. Немцов, С. Иванов и др.), интеллектуальная элита, находящаяся в оппозиции к действующей власти (О. Рыдзык, Г. Явлинский, С. Глазьев, Б. Кагарлицкий и др.), влиятельные интеллектуалы, не сотрудничающие или не поддерживающие правящий режим (Е. Шацки, Э. Внук-Липиньски, Е. Холзер), представители эмигрантской интеллектуальной элиты, давно проживающие в Европе или США (З. Бжезинский, Е. Гейдройц, Л. Колаковский и А. Валицкий), журналисты (Е. Киселев, Н. Сванидзе, М. Леонтьев, М. Соколов, С. Доренко, В. Познер и др.) или спич-райтеры, секретари, референты действующих политиков (Л. Пихоя, Ю. Батулин, В. Костиков и др.).

² Например, мною не анализировались работы Л. Балцеровича, написанные им с 1994 по 1997 г., т.е. когда он был в оппозиции к правящему социал-демократическому режиму. Я также не рассматривала высказывания Е. Ю. Вятра, сделанные им до 1993 г. и после 1997 г., когда он находился в оппозиции либеральным властям. По той же причине работы Е. Гайдара, созданные после 1995 г., т.е. после его ухода не только из правительства, но и из Президентского Совета, не были включены в массив данных.

32 представителей польской интеллектуальной элиты¹. Российская выборка включала публикации И.Бунина, Г.Бурбулиса, С.Васильева, Е.Гайдара, Адугина, А.Илларионова, А.Кара-Мурзы, С.Караганова, С.Каспэ, М.Краснова, С.Кордонского, А.Лившица, В.Мау, В.Никонова, Г.Павловского, А.Панарина, А.Салмина, Г.Сатарова, А.Собчака, А.Улюкаева, В.Цымбурского, С.Чернышова, А.Чубайса, С.Шахрая, А.Шохина и Е.Ясина. Польская выборка состояла из работ Л.Балцеровича, В.Бартошевского, М.Белки, П.Винчорек, Е.Ю.Вятра, Б.Геремека, А.Глапиньского, Т.Желиньского, Я.Закшевской, Ю.Калеты, Я.Качиньского, Г.Колодки, Я.Куроня, В.Кучиньского, Я.Левандовского, А.П.Лучака, Т.Мазовецкого, А.Михника, К.Модзелевского, З.Найдера, Я.Новак-Яжераньского, М.Новицкого, Я.Ф.Ольшевского, В.М.Орловского, Г.Рыдлевского, К.Скубешевского, А.Стшембоша, Е.Туровича, А.Халла, Е.Хаузнера, В.Хшановского и Ц.Юзефяка.

Единицей измерения была одна публикация. Ее размеры и формат не имели принципиального значения. Независимо от того, было ли высказывание из статей газеты, интервью, главой в книге, выступлением на форуме или монографией, для меня важным было само его содержание.

Категории контент-анализа. Выбор дихотомий. Мой массив данных не содержит иных демаркационных линий, кроме дихотомий "либерализм—государственничество". В нем отсутствуют категории "социалистического" дискурса (в том числе "народная демократия", идеология "классовой борьбы", "государственное управление экономикой", "социалистическая интеграция" и "интернационализм"), существование которых могло бы трансформировать мое дихотомическое деление в троичное. Социалистический комплекс взглядов отсутствует, так как в постсоциалистических России и Польше интеллектуалы, артикулирующие социалистический дискурс, хотя и присутствовали на политической сцене, безусловно, не сотрудничали с властными структурами². Они находились в оппозиции, а не среди приближенных к режиму. Иными словами, в современных России и Польше только интеллектуалы, представляющие либеральные, консервативные и (в случае Польши) социал-демократические направления, сотрудничали с правящими политическими эли-

тами. Если современный проправительственный интеллектуальный дискурс в России складывался на основе диалога двух составляющих: либеральной и консервативной, то в Польше это был диалог между либералами и консерваторами, с одной стороны, и социал-демократами — с другой. Совокупно же и в случае России, и в случае Польши либерализм, консерватизм и социал-демократизм, сводимы к "либерально-государственническому" делению. Конечно, баланс либеральных и государственнических элементов колеблется от актора к актору¹. Но для меня важно другое: изменился ли дискурс, артикулируемый проправительственной интеллектуальной элитой, с либерального на государственнический независимо от политической принадлежности коммуникатора?

В ходе контент-анализа данных по каждой стране я использовала пять "либеральных" и пять "государственнических" категорий, которые в совокупности и составляют пять бинарных дихотомий. Каждая дихотомия содержит одну либеральную и одну государственническую категорию. Для каждой из исследуемых стран использовались сопоставимые, но отражающие национальный контекст категории (табл. 1).

Метод извлечения категорий контент-анализа непосредственно из текста. Каждая категория, будь она либеральной или государственнической, объективно выражается в тексте определенным набором текстовых индикаторов (см. ниже табл. 2-5). Конечно, каждое исследование дискурса сопряжено с проблемой различных значений, вкладываемых коммуникаторами в одни и те же слова. Эта сложность подробно описана уже упоминавшимися российскими и польскими учеными². Я решаю эту проблему с помощью синонимов, которые не только "стандартизируют" мой массив данных от коммуникатора к коммуникатору, но и от года к году³.

Принципы кодирования текстовых индикаторов. При анализе каждому обнаруженному текстовому индикатору присваивалось определенное оценоч-

¹ Работы не всех упомянутых коммуникаторов были доступны автору. Не претендуя на абсолютную полноту выборки, я, тем не менее, рассматриваю имеющийся массив данных как достаточный для полноценного анализа.

² Достаточно указать на А.Подберезкина (Московский институт современного социализма) или П.Иконовича (председателя Польской Социалистической Партии).

¹ Например, польские социал-демократические интеллектуалы положительно оценивают как категории либерального дискурса (сильная демократия, либеральная идеология, прозападная внешняя политика, этническая толерантность), так и элементы государственнического дискурса (управляемая рыночная экономика). Польские консерваторы разделяют и государственнические (элитная демократия, консервативная идеология, независимая внешняя политика, этнический национализм), и либеральные (свободнорыночная экономика) принципы.

² См. *Czyzewski A. et. al.* Op. cit.; *Баранов А., Добровольский Д., Захваткин М. и др.* Указ. соч.; *Ильин МБ.* Указ. соч.; *Межуев Б.* Указ. соч.; *Темкина А., Григорьев В.* Указ. соч.; *Pozarlik G.* Op. cit.; *Trutkowski C.* Op. cit. соч.; *Корниенко А. В.* Указ. соч.

³ Список синонимов для каждого текстового индикатора находится у автора.

Таблица 1
КАТЕГОРИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Дихотомия	Категория российского интеллектуального дискурса		Категория польского интеллектуального дискурса	
	Либеральная	Государственническая	Либеральная	Государственническая
Политическая	Демократия	Авторитаризм	Сильная демократия	Элитная демократия
Идеологическая	Либерализм	Консерватизм (в отдельных проявлениях государственничества)	Либерализм (в отдельных проявлениях идеология светского государства)	Консерватизм (в отдельных проявлениях государственничества)
Экономическая	Свободнорыночная экономическая модель	Модель управляемой экономики	Свободнорыночная экономическая модель	Модель управляемой экономики
Внешнеполитическая	Прозападная внешняя политика	Независимая (в отдельных проявлениях антизападная) внешняя политика	Прозападная внешняя политика	Независимая (в отдельных проявлениях пророссийская) внешняя политика
Межэтнических отношений	Толерантность	Национализм	Проевропейский (в отдельных проявлениях гражданский) национализм	Этнический национализм

ное значение в интервале от -1 (негативная оценка) до $+1$ (позитивная оценка). Нейтральному отношению к определенному текстовому индикатору соответствовало значение "0".

Положительная оценка ($+1$) определенного индикатора давалась на основе: а) положительных эпитетов, ассоциируемых с данным индикатором (например, "необходимый", "позитивный", "желательный", "императивный" и т.д.); б) определения текстового индикатора в качестве цели, задачи или необходимого условия (например, "Мы должны стремиться к демократии", "Наша цель — либерализация цен", "Главной задачей сегодня является обустройство государства для блага человека" и т.п.); в) определения текстового индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного (например, "Демократия — это путь прогресса", "Либерализация цен ведет к появлению товаров", "Экономический протекционизм помогает отечественному производителю", "партнерство с Западом приближает нас к нашей цивилизационной цели" и т.п.).

Соответственно, негативная оценка (-1) любого текстового индикатора складывалась из: а) негативных эпитетов, ассоциируемых с данным текстовым индикатором (например, "пагубный", "дестабилизирующий", "негативный" и т.п.); б) определения текстового индикатора как чего-то нежелательного, чего следует избе-

гать (например, "Мы должны избегать монополии политической власти", "России не надо решать этнические проблемы силой" и т.п.); в) ассоциации текстового индикатора с отрицательными явлениями или процессами, ведущими к негативным или губительным результатам (например, "Либерализм ведет к деградации государства", "Отсутствие национальной идеи разрушает страну", "Авторитаризм — это катастрофа", "Восточные соседи угрожают независимости Польши" и т.п.).

Нейтральное значение (0) присваивалось в случае присутствия как негативных, так и позитивных оценок данного индикатора (например, "Социальная защита населения неэффективна, но необходима", "Либеральная теория свободного рынка верна, но ее неправильно применяли", "Хотя политическая система и авторитарна, но отражает российскую расстановку политических сил", "Европейская интеграция, безусловно, может пагубно отразиться на польских аграрных товаропроизводителях. Но есть ли у нас альтернатива вступлению в ЕС, которое принесет нам многомиллионные дотации?" и т.п.).

Следующие цитаты, взятые из массива данных и сгруппированные по описанным выше дихотомиям, иллюстрируют методику автора:

Политическая дихотомия. Фраза "Вариант восстановления унитарного государства с очень большой

долей вероятности приводит к варианту окончательного развала России и ее исчезновению с политической карты мира" содержит текстовый индикатор "унитарное государство" категории "авторитаризм" государственнического дискурса, оцененный отрицательно (случай "в" — ассоциация с отрицательными явлениями). Во фразе "Федерализация порой приобретает иррациональные и разрушительные формы, таит в себе угрозы для силы и целостности государства или утраты федеральной властью тех или иных жизненно важных ее прерогатив. Тем не менее в целом процесс федерализации носит здоровый и объективно обусловленный характер" содержится нейтральная оценка текстового индикатора "федерализм" категории "демократия" либерального дискурса, так как данный индикатор ассоциирован как с отрицательными, так и с положительными эпитетами.

В польской базе данных текстовый индикатор "общественное мнение" категории "сильная демократия" либерального дискурса, содержащийся во фрагменте "Правительство обязано создать механизмы, позволяющие услышать общественное мнение. Мы хотим, чтобы общественное мнение влияло на политические решения, и мы будем прислушиваться к его голосу", оценен положительно (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве желательной цели). Фраза "Я считаю, что наиболее действенным лекарством в нынешней нездоровой ситуации является истинное, а не просто декларативное участие граждан в процессе управления государством" содержит положительную оценку текстового индикатора "гражданская активность" категории "сильная демократия" либерального дискурса (случай "в" — текстовый индикатор как средство достижения положительного результата).

Идеологическая дихотомия. Во фрагменте "Только власть в России — это предельно серьезно, прогрессивно, определено... Есть особый тип связи человека и человека, предполагающий присутствие при этом третьего, имеющего прерогативу и возможность лишить свободы, либо умертвить любого из этих двух, независимо от поддержки оставшегося, а можно и обоих разом... Духовно насыщенная, культурно мощная, созидательная, хотя и вполне нечеловеческая — не нуждающаяся в свободе человека, русская власть" содержится синоним текстового индикатора "примат государственных интересов над личными" ("не нуждающаяся в свободе человека власть") категории "консервативная идеология" государственнического дискурса. Данный индикатор оценен положительно (случай "а" — положительные эпитеты). В цитате «Вульгарные штампы "открытого общества" и "прав человека"» синоним текстового ин-

дикатора "гражданские права" ("права человека") категории "либеральная идеология" либерального дискурса оценен отрицательно (случай "а" — негативные эпитеты).

Среди польского материала фраза "Нам нужна идея, базирующаяся на основных моральных ценностях и христианской этике" содержит текстовый индикатор "христианские ценности" категории "консервативная идеология" государственнического дискурса, которому присвоено положительное значение (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве желательной цели или задачи). В высказывании "Благосостояние государства немыслимо без благосостояния его граждан. Мощь нации и государства могут быть достигнуты только при благосостоянии граждан" содержится текстовый индикатор "государство для людей" категории "либеральная идеология" либерального дискурса. Этот индикатор оценен положительно (случай "в" — текстовый индикатор как средство достижения положительного результата). Наконец, фрагмент "Меня прежде всего беспокоят такие патологические формы, как чрезмерный индивидуализм поляков, ведущий к постоянным конфликтам и неумению работать сообща. Частные интересы затмевают коллективное благополучие, личные амбиции и групповые интересы мешают общему делу" содержит негативную оценку текстового индикатора "признание существования различных индивидуальных интересов" категории "либеральная идеология" либерального дискурса (случаи "а" — отрицательные эпитеты и "в" — ассоциация текстового индикатора с отрицательными явлениями или процессами, ведущими к негативным последствиям).

Экономическая дихотомия. Фраза "Безусловно, рынок с преобладающим государственным началом, гипертрофированным и постоянно меняющейся налоговой системой и сильной традицией бюрократической коррупции продолжает воспроизводить неlegalные теневые отношения" содержит негативную оценку текстового индикатора "государство как регулятор рынка" категории "модель управляемой экономики" консервативного дискурса (случай "в" — ассоциация с негативными явлениями). Фраза же "Рынок в известной степени морализует общество" является примером положительной оценки текстового индикатора "рынок как основной агент экономического развития" категории "свободнорыночная модель" либерального дискурса (случай "в" — определение текстового индикатора как средства достижения чего-либо позитивного).

В польской базе данных фраза "Мы должны как можно скорее ввести свободный рынок, т.е. отпустить цены и заморозить заработную плату" содержит два текстовых индикатора категории

"свободнорыночная модель" либерального дискурса "рынок как основной агент экономического развития" и "либерализация цен". Оба оценены положительно (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве желаемой цели). В предложении *"Чем меньше государство вовлечено в экономику, тем лучше для общества"* прослеживается негативная оценка текстового индикатора "государство как регулятор рынка" категории "модель управляемой экономики" консервативного дискурса (случай "б" — определение текстового индикатора как чего-то нежелательного, чего следует избегать). Фрагмент *"Шоковая терапия не только не принесла ожидаемых результатов, она разрушила госпредприятия"* содержит синоним текстового индикатора "универсальное неолиберальное экономическое развитие" ("шоковая терапия") категории "свободнорыночная модель" либерального дискурса, оцененный негативно (случай "в" — ассоциация текстового индикатора с отрицательными явлениями). Во фразе *"Для того чтобы достичь дальнейшего прогресса, мы должны реализовать долгосрочную стратегию развития социального рынка"* задействован синоним текстового индикатора "государство как регулятор рынка" ("социальный рынок") категории "модель управляемой экономики" государственнического дискурса, которому присвоено отрицательное значение (случай "в" — определение текстового индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного).

Внешилополитическая дихотомия. В цитате "Сегодня жертвой навязанной извне истории чувствует себя практически весь не-Запад, испытывающий на себе историческое давление Запада, вовлекшего мир в собственную прометееву авантюру и с порога отвергающего всякие попытки переосмысления исторического процесса с других позиций" текстовой индикатор "партнерство с Западом" категории "прозападная внешняя политика" либерального дискурса имеет отрицательную (-1) оценку (случай "в" — ассоциация текстового индикатора с отрицательными явлениями). Во фразе *"Россия не должна уходить в "Третий мир" Еместо в "Первом"* содержатся синонимы двух текстовых индикаторов "партнерство с Востоком и Югом" («уход в "Третий мир"») категории "антизападная/независимая внешняя политика" консервативного дискурса и индикатор "партнерство с Западом" («быть в "Первом мире"») категории "прозападная внешняя политика" либерального дискурса. Первый индикатор оценен отрицательно (случай "б" — определение текстового индикатора как чего-то нежелательного), второму дана положительная оценка (+1) (случай "б" — определение индикатора в качестве цели).

В польских примерах: *"Приоритетом нашей внешней политики являются европейское и североамериканское направления"*, *"Мы видим основную гарантию безопасности Польши в евроатлантическом курсе"* синонимы текстового индикатора "партнерство с Западом" ("Европейское и североамериканское направления внешней политики" и "евроатлантический внешнеполитический курс") категории "прозападная внешняя политика" либерального дискурса имеют положительную оценку (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве цели и случай "в" — определение индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного соответственно). Во фрагменте *"Мы находимся в преддверии нашего исторического призвания — вступления в Европейский союз"* текстовой индикатор "европейская интеграция" категории "прозападная внешняя политика" либерального дискурса оценен положительно (случай "в" — определение индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного).

Дихотомия межэтнических отношений. Во фразе "Мы должны привести в движение идею истории, идею России" встречается текстовой индикатор "существование особых национальных ценностей, идей" консервативного дискурса. Этот индикатор оценен положительно (+1) как нечто желательное и необходимое (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве цели).

В польском массиве данных фраза *"Известно, что современные проявления антисемитизма в нашей стране разрушают образ нашей молодой демократии, создают препятствия на нашем пути к культурной интеграции с Европой. Но, что еще важнее, чем образ Польши за рубежом, антисемитизм разрушает наш национальный и христианский этос"* содержит текстовой индикатор "антисемитизм" категории "этнический национализм" государственнического дискурса, оцененный отрицательно (случай "в" — ассоциация с негативными последствиями). Во фрагменте *"Я поддерживаю толерантное государство, государство в котором найдется место для многочисленных и разнообразных культур, несхожих биографий и точек зрения"* текстовому индикатору "многокультурность" категории "роевропейский/гражданский национализм" либерального дискурса присвоено положительное значение (случай "б" — использование текстового индикатора как желательной цели, задачи).

Значения отдельных текстовых индикаторов и категорий в целом после кодировки обобщались по хронологическому принципу (по годам). Для

каждого года мной были рассчитаны средние значения (сумма всех значений, деленная на число упоминаний) для каждого текстового индикатора и для категорий в целом (табл. 2–5). Среднегодовые значения для каждой категории

легли в основу рисунков 1–10. На самих рисунках прослеживаются общие тенденции в эволюции дискурсов, артикулируемых проправительственными интеллектуальными элитами в пост-социалистических России и Польше.

Таблица 2

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОК ТЕКСТОВЫХ ИНДИКАТОРОВ КАТЕГОРИЙ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПО ГОДАМ

Категория и текстовый индикатор	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)									
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Демократия										
Разделение властей	1	1	1	1	1	1	1	0	1	
Парламентаризм	1	-1	1	0,2	-0,3	0,3	0	0	0,5	
Реальные выборы	1	0,5	1	0,8	1	0,7	1	0,8	0,3	
Многопартийность	1	1	1	0,6	1	0,2	0,7	1	0,5	-1
Конституционность	1		1	1	1	0,7	1	0,7	1	
Гражданское общество			0,7	0,7	0	1	1		1	1
Свободные СМИ			1	1		1		0	-0,7	-0,7
Федерализм	1	1	1	1	0	1	0,3	-0,7	-0,4	-1
Подотчетность власти	1	0,7	0,7	1						
Итого среднее арифметическое	1	0,5	0,9	0,8	0,6	0,8	0,7	0,2	0,4	-0,4
Либеральная идеология										
Естественные права и свободы	1		1	1	1	1	0,5	-0,5		
Гражданские права	1	1	1	0,7	1	1	1	-1	0	1
Либеральные ценности	1	1	0	0	1	0,3	0,4	-0,3	-0,5	-1
Государство для людей/права человека выше интересов государства	1	0,3	1	0,5	1	0,6	0,4	-0,7	-0,1	-0,6
Небольшой эффективный государственный аппарат	1	0	1	0,7	1	1	1	-0,3	0,5	
Признание существования различных индивидуальных интересов		1	1	1	1	1	0,6	0	1	
Правовое государство	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Итого среднее арифметическое	1	0,7	0,9	0,7	1	0,8	0,7	-0,3	0,4	0,1
Свободнорыночная модель										
Рынок как основной агент экономического развития	0,8	1	0,9	0,7	1	1	0,5	-0,2	-0,3	0,5
Слабая социальная защита населения	1	0,5	0,5	1	1	1	-1	0,5	1	
Экономическая справедливость	0,7	0,8	0,7	0,7	1	1	0,3	0,3	1	
Низкие налоги	1	1	1	1	0,8	0,8	1	1	1	
Бездефицитный бюджет	1	1	0	1	1	1	0,7	1		
Ваучерная приватизация, частная собственность	1	0,8	0,7	0,1	0,6	0,8	0	0	1	1
Жесткая финансовая политика	1	0,7	1	1	1	0,5	1	1		
Либерализация внешнеэкономической деятельности	1	0,6	1	1	1	0,7	1	0	0	
Либерализация цен	1	0,5	1	0,6	1	1	1	1	1	
Конкуренция	1	0,8	0,8	0,6	1	0,7	1	0	1	
Универсальное нелиберальное экономическое развитие	0	0,5	0,6	0	1	0,3	-0,6	0,5	0	
Итого среднее арифметическое	0,9	0,7	0,7	0,7	0,9	0,8	0,4	0,5	0,6	0,8

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Прозападная внешняя политика										
Партнерство с Западом	1	0	1	-0,1		0,6	-0,3	-0,4	0,5	0
Однополярность				-1		-1		-1		-0,8
Идеалистическая внешняя политика	1		0,8	0,7	1	0,6	0,3	-0,6	0	0
Сокращение расходов на оборону	1		0,3	1					1	1
Отказ от вмешательства во внутренние дела других стран для защиты местного русскоязычного населения	1			1					1	1
Интеграция с бывшими союзными республиками на экономической основе	1		1	1	1	1	0	-0,3	1	
Итого среднее арифметическое	1	0	0,8	0,4	1	0,3	0	0,6	0,6	0,1
Толерантные межэтнические отношения										
Все нации равны	1	1	0,3	1	1	1		-1	1	1
Мирное решение этнических проблем			1	0,3	1	1	0		0,3	
Существование универсальных ценностей			0,5	0	1	0,3	0,1	-0,3	1	-1
Итого среднее арифметическое	1	1	0,6	0,4	1	0,8	0,1	-0,7	0,8	0

Таблица 3

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОК ТЕКСТОВЫХ ИНДИКАТОРОВ КАТЕГОРИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДИСКУРСА ПО ГОДАМ

1	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)									
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Авторитаризм										
Монополия власти	-1	-1	-1	-0,5	0	-1	-0,5	-0,2	-0,3	
Президентское правление	0	-0,5	0,5	0,3	0	-0,5	0,5	0,3	0	1
Формальные выборы			-1	-1		-1	-0,6	0,5	1	
Однопартийная система/контролируемая оппозиция		0,5	-1	0	1	1	-0,5	0	0,3	1
Отсутствие конституционных норм/политическая целесообразность		-1	-1	-0,4	0	-0,6	-0,5	-0,5	-1	
Неравенство граждан в политическом процессе			-0,3			-1	0	-1	0,3	
Идеологический контроль СМИ			-1	-1	-1	-1		0	0,3	1
Унитарное государство	-1			1	-1	1	0	-0,6	0,5	1
Отсутствие контроля за властью	-1	-1		-1	-1				0	
Итого среднее арифметическое	-0,8	-0,6	-0,7	-0,3	-0,3	-0,4	-0,2	-0,2	0,1	1
Консервативная или государственническая идеология										
Социальные права			1	-0,6	-1	1	0	1	1	
Позитивные права	-1		1	1	1	1		1	1	
Консервативные ценности	-1	0	0,2	-0,4	-1	0,5	0,3	1	1	
Примат государственных интересов над личными	-1	-1	-0,8	-0,2	0,3	1	0,7	1	0,7	0,9
Усиление силовой структуры государства	0	-1	0,3	-0,1	-0,1	0,7	1	1	0,4	0,8
Единство интересов, социальная гармония	-1	0	0,2	0,1	-1	1	0,5	1		1

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Подотчетность власти обществу	1	1	1	1	1	0,33	1					1	1	1
Общественное мнение	1	1	1	0,75	1	1	0			1	1	1		1
Местное самоуправление	1	0,6	0,75	1	1	1	1	1	1	1			1	1
Защита политических прав меньшинств			1	1						1		1		1
Свободные СМИ	1	1	1	0,5	1		1		1	1	0,5			1
Многопартийность		1		1	0,5	1	1		1	1		0	1	
Функция выборов — выявить предпочтения избирателей		1	1	0,75	1	1							1	
Конституционность	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1			1
Парламентаризм	1	1	0,71	0,2	1	1	0,67	1		1			1	
Оппозиция	1	1	0,71	0,67	0,5	1	1	1	1	0,67	0,6		0	
Итого среднее арифметическое	1	0,95	0,77	0,79	0,87	0,94	0,78	1	1	0,93	0,7	0,8	0,89	1
Либеральная идеология или идеология светского государства														
Гражданские права и свободы	1	1	0,75	0,6	1	1	0,67	1	1	1	1	1	1	1
Отделение церкви от государства/светское государство			0	0	0,6		1	1	-1					1
Модернизация, прогресс			-1	-1	1				-1					
Либеральные ценности	1	1	1	0,45	0,67	1	0,63	1	0	1	1	1	1	
Государство для людей/права человека выше интересов государства/небольшой эффективный государственный аппарат	1	1	1	1	0,29	0	1		0	0,33	1			1
Представления об индивидууме как независимом и рациональном	1	1		0,2	-0,5	1	0,71		-1	1	0		0,33	
Признание существования различных индивидуальных интересов	1	1	1	0,67	0,56	1	1		1	0,5	-0,33	1		
Право на аборт, развод, однополые браки, эвтаназию и т.д.		-1	1	0	0					0,33	-1			1
Социальные причины преступлений		-1	-1	-1	-1		1		-1					
Отсутствие качественных различий между обществом и элитой/самодостаточность общества			1	1			1							
Итого среднее арифметическое	1	0,82	0,73	0,43	0,46	0,7	0,8	1	-0,08	0,71	0,41	1	0,75	1
Свободнорыночная модель														
Рынок как основной агент экономического развития	1	0,75	0,59	0,39	0,1	0,71	0,5	-0,5	0,2	0,17	0,5		0,75	-0,67
Быстрая/всеобщая приватизация	1	1	0,86	1	0,54	0,83	0,8	0,25	0,6	0	0,6		0	-1
Выборочная/слабая социальная защита населения	1	1	0	1	-0,5	1	0	-0,33	0,33	0	1		-1	-1

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Экономическая свобода/экономическая справедливость	1	0,5	0,63	0,33	0,07	0	0,56	-0,8	0,4	-0,67	0,33	1	0,5	0,33
Либерализация цен	1	1	1	1	0	1		1	1		1			
Либерализация внешней торговли	1	1	1	1	-0,33	1	0		1	1	1			-1
Низкие налоги				1	-1		1	1	1		1			0
Бездефицитный бюджет		1	1	1	1	1	1		1	1	1			1
Универсальное нелиберальное экономическое развитие	1	0,67	0,67	0,6	-0,56	0,33	0,38	-0,5	0,67	0	0,71	-1	0	-1
Итого среднее арифметическое	1	0,81	0,67	0,7	0,03	0,65	0,5	-0,25	0,6	0,11	0,73	0	0,29	-0,38
Прозападная внешняя политика														
Европейская интеграция	1	1	0,83	0,89	0,9	1	1	1	1	0,67	0,89	1	1	0,75
Членство в НАТО			0,67	1	1	1	1	1		1	1	1	1	1
Глобализация	1	1	1	-0,33	-0,5	1	1	1	0	0,33	1	1	1	1
Партнерство с Западом	1	1	1	0,92	0,89	1	1		1	0,75	1	1	1	1
Идеалистическая внешняя политика	1	-1		0	0	1	1		1	1	1	1	1	1
Итого среднее арифметическое	1	0,85	0,88	0,74	0,62	1	1	1	0,71	0,69	0,95	1	1	0,9
Европейский или гражданский национализм														
Все нации равны		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1			
Многокультурность	1	1	1	0		1	1			1				
Мирное решение этнических проблем		1	1			1	1		1					
Существование универсальных ценностей	1	0,75	0,6	0,6	0,2	1	1		-1	1	0		1	
Защита этнических меньшинств	1	1	1			1	1	1		1	1		1	1
Итого среднее арифметическое	1	0,94	0,91	0,69	0,6	1	1	1	0,5	1	0,67		1	1

Таблица 5

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОК ТЕКСТОВЫХ ИНДИКАТОРОВ КАТЕГОРИЙ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДИСКУРСА ПО ГОДАМ

Категория и текстовый индикатор	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)														
	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Элитная демократия															
Только правительство может гарантировать благосостояние граждан		-1	-0,71	-1	-1		-1			-1	-1				
Неравенство граждан в политическом процессе				1	0,33										
Автономность элиты		-1	-1	-1	-0,33	0	-0,33				-1			-1	
Централизация					-1	-1	-1								
Роль СМИ сводится к информированию граждан о работе правительства, а не к его критике					-0,5						0		-1		

Продолжение таблицы 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Личности в политике — важнее политических партий			-1	-1	-1	0						-1			-1	
Основная цель выборов — избрание правящей элиты			-1		-0,5	-0,33	0,33	1				1				
Политическая целесооб- разность				-1	-1	-1		-1				-1			-1	
Президентское правление			-1	-0,25	-0,25	-0,25	-0,67	-1	-1						-1	
Люстрация			-1	-1	-0,82	-0,36		-0,6	-1			-0,2	-0,5		-0,5	
Итого среднее арифмети- ческое			-1	-0,67	-0,67	-0,42	-0,33	-0,63	-1			-0,33	-0,55		-0,75	-1
Консервативная или государственническая идеология																
Позитивные и социальные права			1		1	1	1	0		1	1	0			1	
Сотрудничество и взаимо- связь между церковью и государством/религия является основой государства			-1	-1	-0,67	-0,89	0,55	-1	0,71	-1	0	-0,5	0		1	
Традиции			1	0,33	-1	1	0,63	0	0		1	1	1		1	
Христианские ценности /консервативные ценности			1	0,78	-1	0,5	0,6	0	0,67	1	0,5	-0,5	1		1	
Примат государственных ин- тересов над личными/усиле- ние государственного аппарата			-1	-0,6	-0,5	-0,6	0,22	1	-1	-1	-1	-1	-1	1	1	
Индивидуум как часть орга- нического целого			1		0	1	0	0		1	-1	1			1	
Единство интересов, социальная гармония			1	-1	-0,2	1	0	0,67	1	1	0	1			1	
Качественное превосходит- во элиты над обществом/ ответственность элиты			-1		-1	-1	-1				-1	-1	-1			
Смертная казнь			0		1	-1		-1			-1	-1				
Закон и порядок			-1		-0,5	1									1	
Защита зачатой жизни, за- прет аборт, разводов, одно- полых браков, эвтаназии					-0,5	0,33	0	-1			0	1	0,75			
Итого среднее арифметическое			0,14	0,38	-0,73	-0,17	0,54	0	0,27	-0,2	0,36	-0,43	0,5	0,75	1	
Управляемая экономика																
Государство как регулятор рынка			-0,33	0,67	-0,08	-0,09	-0,43	-0,14	-0,2	-0,5	-0,4	-1			-1	1
Поэтапная приватизация				0	-1	0	-0,67	-1	0,33	1	1	-0,33			-1	1
Всеобщая/сильная социаль- ная защита населения			1	-0,25	-0,67	0	0,71	0,67	0,14	0,8	0,25	0	-0,33		1	1
Социальная справедли- вость/равенство			1	-0,2	-0,5	0,33	0,67	0,6	0,38	0,38	-0,25	0	0,14		0,33	1
Контроль и регулируемость цен					-0,33	-1	0					-1				
Защита отечественных про- изводителей/внешнеторго- вый протекционизм			0	-1	-0,33	0,6	-1	0	1	-0,67	0	-1			0	1

Окончание таблицы 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Высокие налоги			-1		-1	0,2		-1				-1			0
Бюджетный дефицит				0	-1	-0,67		-1		-1	-1	-1			-1
Национальная экономическая модель			-1	-1	-0,33	0,75		-0,5	0,5	0	-1	0		0	1
Итого среднее арифметическое		1	-0,33	-0,22	-0,24	0,31	0,04	-0,14	0,39	-0,25	-0,2	-0,36		-0,17	0,77
Независимая или пророссийская внешняя политика															
Польша вне европейских структур				-1	-1	-1	-1		-1		-1	-1	1		0
Польша вне североатлантических структур				-0,5	-1	-1	-1				-1	-1			
Суверенитет, включая локальный суверенитет	-1	0	-1	0,2	0,3	-1	0	-1	1	-0,33	-1	0	-1		
Партнерство с Востоком и Югом, включая Россию	0	0	1	-0,86	0,33	-0,8				1	-1	-1	-1	0,33	
Реалистическая внешняя политика		1		0	1							0		0	
Итого среднее арифметическое	-0,67	0,17	-0,1	-0,5	0,09	-0,92	0,5	-1	1	-0,75	-0,85	0	0	0	0
Этнический национализм															
Деление наций на "хорошие" и "плохие"		-1	-1	-1	-0,8	-1	-1		-1	-1	-1	-1	-1		
Защита национальной культуры		-1	-0,33	0	1	-0,33				-1	1			1	
Силовое решение этнических конфликтов		-1	-1	-1	-1	-1			-1		-1			-1	
Существование особых национальных ценностей, идей	-1	-0,8	-0,67	-0,11	-0,2	0	-0,6	1	1	-1				1	
Антисемитизм		-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1		-1	-1			1	
Итого среднее арифметическое	-1	-0,95	-0,81	-0,52	0,35	-0,67	-0,86	1	-0,5	-1	-0,67	-1	-0,33		

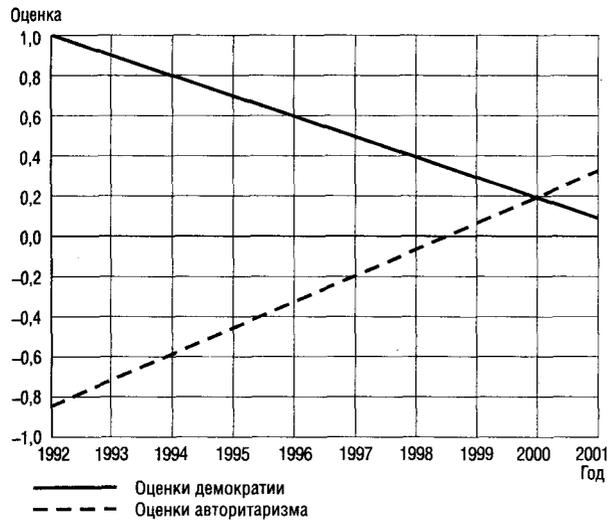
Результаты эмпирического анализа. *Динамика оценок политических систем.* На рисунке 1 видно, что политические предпочтения российской проправительственной интеллектуальной элиты претерпели фундаментальные изменения. Если в начале исследуемого периода российские интеллектуалы поддерживали демократию, то в настоящий момент они предпочитают авторитаризм. Смена политических приоритетов российской интеллектуальной элиты приходится на 2000 г., т.е. по времени совпадает со вторыми президентскими выборами.

Политические воззрения польской проправительственной интеллектуальной элиты отличаются стабильностью. На рисунке 2 прослеживается основная тенденция: позитивная оценка сильной демократии неизменно превышает негативные оценки элитной демократии. Демократическое постоянство польских интеллектуалов особенно интересно, если принять во внимание

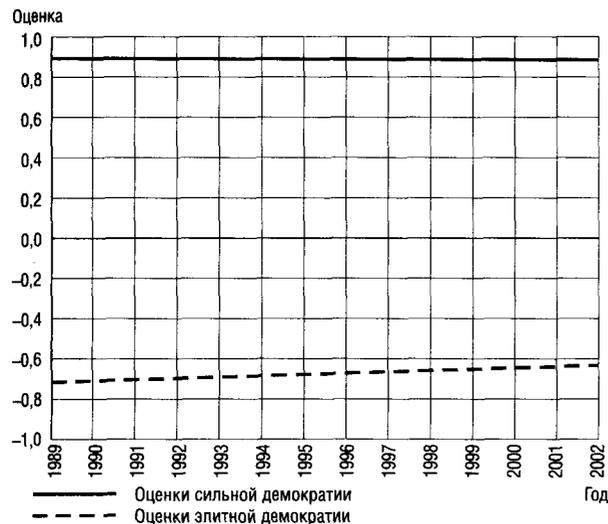
их социальный (элитный) статус. Предпочтения российской проправительственной интеллектуальной элиты совпадают с групповыми интересами политической элиты и потому более "естественны". Демократический потенциал польской интеллектуальной элиты гораздо сильнее демократических устремлений их российских коллег. Апологетика доминирования политической элиты (авторитаризма), характерная для сегодняшних российских проправительственных интеллектуалов, мотивирована политическим заказом политической элиты.

Динамика оценок идеологических предпочтений. Идеологические предпочтения как российской, так и польской проправительственной интеллектуальной элиты в течение исследуемого периода эволюционировали в сторону большего консерватизма (рис. 3 и 4). Однако сравнение рисунков 3 и 4 показывает, что в польском случае имеется один существенный момент. Идеоло-

Рисунок 1
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ДЕМОКРАТИИ И АВТОРИТАРИЗМА
СРЕДИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

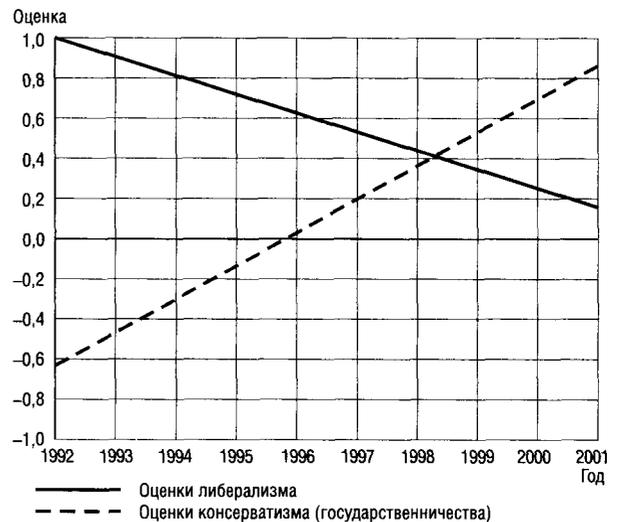

Рисунок 2
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК СИЛЬНОЙ И ЭЛИТНОЙ ФОРМ
ДЕМОКРАТИИ СРЕДИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ЭЛИТЫ

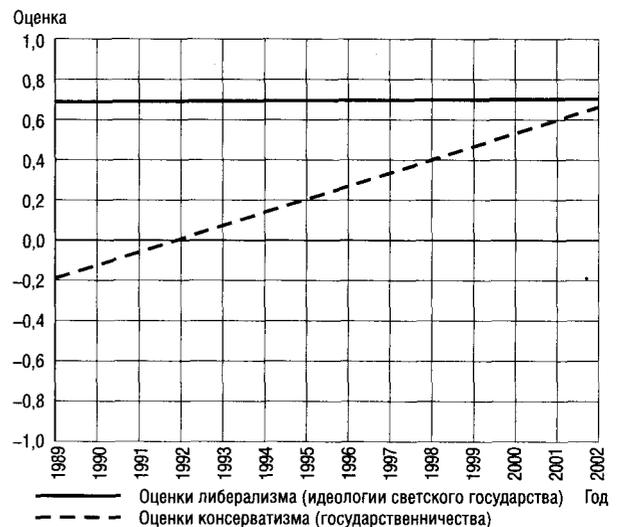

гический либерализм польских интеллектуалов всегда сосуществовал с весьма популярным консерватизмом, тогда как российские окол властные интеллектуалы были первоначально весьма либеральны. Хотя к 1998 г. российская элита и сделала свой выбор в пользу консерватизма (государственничества), подобный шаг абсолютно не вытекает из характера ее собственных идеологических предпочтений. В течение долгого времени российские интеллектуалы оставались верны своим либеральным убеждениям. Такая смена предпочтений не является показателем внезапного консервативного "прозрения" рос-

Рисунок 3
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ЛИБЕРАЛЬНОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ
(ГОСУДАРСТВЕННОЙ) ИДЕОЛОГИЙ СРЕДИ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Рисунок 4
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ЛИБЕРАЛЬНОЙ (ИДЕОЛОГИИ
СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА) И КОНСЕРВАТИВНОЙ
(ГОСУДАРСТВЕННОЙ) ИДЕОЛОГИЙ СРЕДИ
ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

сийских интеллектуалов, а скорее продиктована желанием последовать призыву политической элиты, которая начиная с 1996 г. настаивала на выработке новой, государственнической идеологии¹. Для польских интеллектуалов конфликт между либеральной и консервативной идеологией далеко не разрешен. Но если учесть длительное присутствие консерватизма в их дискурсе, можно предположить, что выбор в его пользу

¹ См.: Баранова А., Добровольский Д., Захваткин М. и др. Указ. соч.

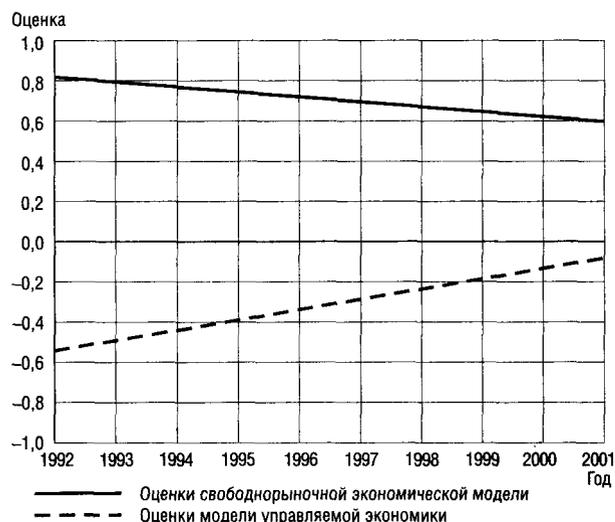
явился бы логическим развитием, основанным на действительных, а не политически продиктованных, идеологических принципах.

Динамика оценок экономических предпочтений. Эволюция экономических воззрений российских и польских проправительственных интеллектуалов в постсоциалистический период шла совершенно по-разному (см. рис. 5 и 6). Если российская элита была постоянна в своих свободнорыночных предпочтениях, то мнения польских интеллектуалов по экономическим проблемам гораздо менее определенны. Поль-

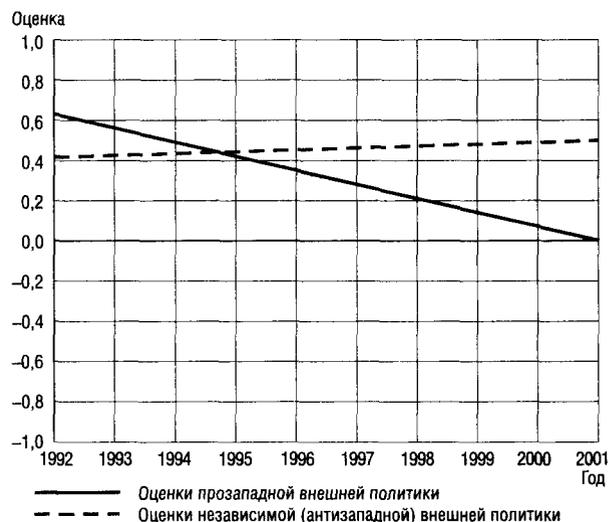
ские интеллектуалы в качестве приемлемых альтернатив экономического развития не исключают как **свободнорыночную** модель, так и модель управляемой экономики. Интересно, что в то время как в России свободнорыночная модель остается популярной, в Польше нелиберальный энтузиазм заметно уменьшился, а привлекательность модели управляемой экономики возросла. В настоящий момент она не менее популярна, чем свободнорыночный вариант.

Динамика оценок внешнеполитических предпочтений. Из рис. 7 и 8 следует, что в исследуемый

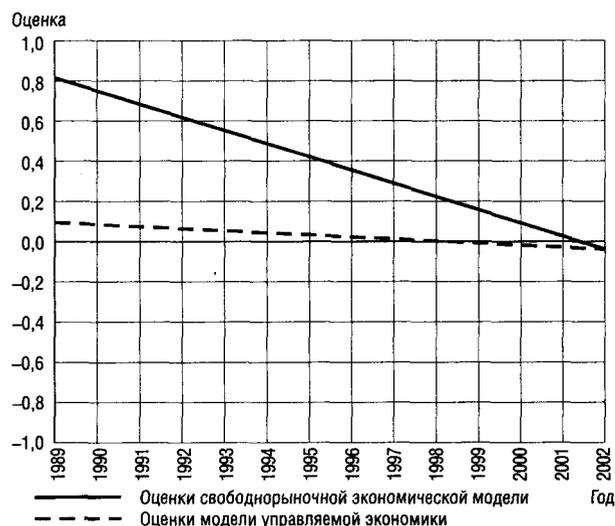
Рисунок 5
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК СВОБОДНОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И МОДЕЛИ УПРАВЛЯЕМОЙ ЭКОНОМИКИ СРЕДИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

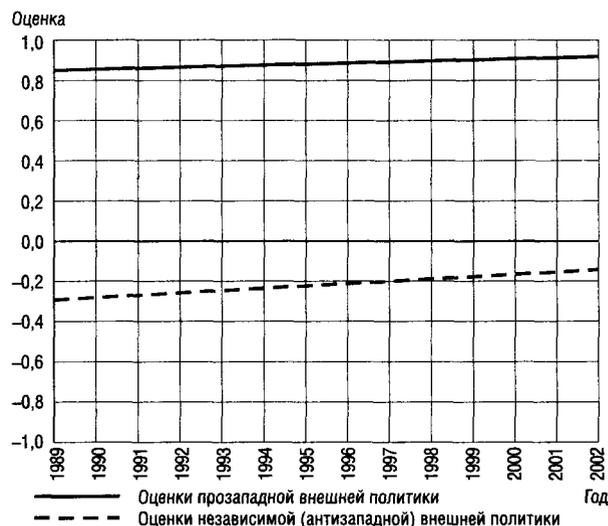
Рисунок 7
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ПРОЗАПАДНОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ (АНТИЗАПАДНОЙ) ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СРЕДИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Рисунок 6
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК СВОБОДНОРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И МОДЕЛИ УПРАВЛЯЕМОЙ ЭКОНОМИКИ СРЕДИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Рисунок 8
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ПРОЗАПАДНОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ (ПРОРОССИЙСКОЙ) ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СРЕДИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

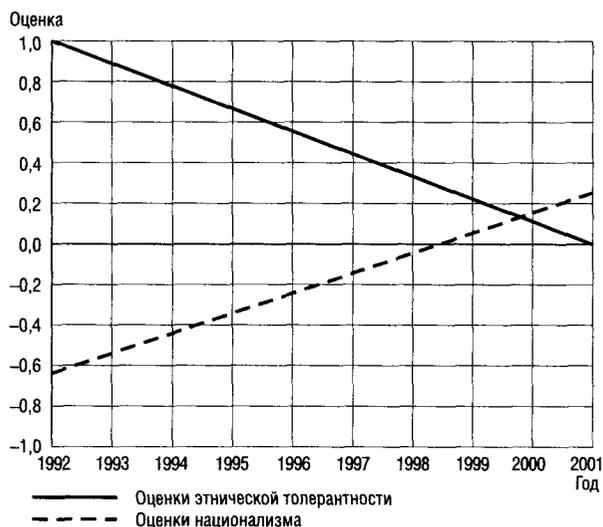

период российские и польские интеллектуалы придерживались противоположных внешнеполитических взглядов. Умеренно прозападные предпочтения российских интеллектуалов сменились умеренно антизападными воззрениями, тогда как польская интеллектуальная элита осталась верна своим прозападным принципам. Смена внешнеполитических ориентиров среди российских интеллектуалов приходится на 1995 г., т.е. на начало периода дипломатической конфронтации с Западом (прежде всего с США) вокруг проблемы расширения НАТО на Восток, событий в Ираке, Косово и СОИ. Подобное сопоставление позволяет сделать вывод, что изменения, произошедшие во внешнеполитическом дискурсе, артикулируемом российскими околовластными интеллектуалами, являются скорее продуктом внешнего прессинга со стороны политической элиты, а не глубинного антизападничества самой интеллектуальной элиты.

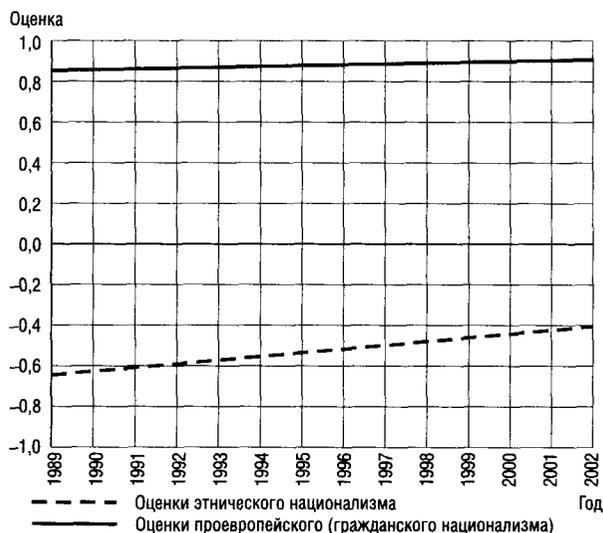
Динамика оценок межэтнических предпочтений. Сравнение рисунков 9 и 10 позволяет сделать вывод, что польским проправительственным интеллектуалам в меньшей степени свойственны националистические настроения, чем их российским коллегам. К 2000 г., т.е. к началу второго этапа войны в Чечне, первоначальная толерантность российской интеллектуальной элиты сменилась умеренно националистическими предпочтениями. Совпадение сроков начала очередной чеченской кампании и появления националистических элементов в дискурсе интеллектуальной элиты свидетельствует скорее о возможном политическом заказе, а вовсе не об истинном мировоззрении российских проправительственных интеллектуалов. Следует также отметить и некоторое усиление националистических позиций в дискурсе польской интеллектуальной элиты. Несмотря на продолжающуюся поддержку этнической толерантности, четко прослеживается незначительный, но постоянный рост популярности этнического национализма (см. рис. 10). Поскольку в Польше практически отсутствуют внешние стимуляторы националистических настроений, причиной такой динамики, вероятно, является определенный националистический "заряд" польских интеллектуалов.

Картина фундаментальных перемен, которым подвергся дискурс российских интеллектуалов, сотрудничающих с властными структурами, представлена на рисунках 1, 3, 7, и 9. Их первоначальные демократические, идеологически либеральные, свободнорыночные, прозападные и этнически толерантные предпочтения эволюционировали в сторону авторитарных, консервативных, умеренно антизападных и на-

Рисунок 9
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И НАЦИОНАЛИЗМА СРЕДИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Рисунок 10
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ПРОЕВРОПЕЙСКОГО (ГРАЖДАНСКОГО) И ЭТНИЧЕСКОГО ТИПОВ НАЦИОНАЛИЗМА СРЕДИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

ционалистических взглядов. Единственной категорией либерального дискурса, не подвергшейся переоценке, является свободнорыночная экономическая модель. Во многих случаях под воздействием важных внутренних и международных событий российские проправительственные интеллектуалы легко отказывались от своих убеждений. Логично предположить, что как либеральные, так и государственнические предпочтения российских околовластных интеллектуалов — лишь дань требованиям политической элиты.

Нестабильность предпочтений в среде российских окол властных интеллектуалов контрастирует с постоянством позиций их польских коллег. Стабильность политических, внешнеполитических и межэтнических предпочтений польской интеллектуальной элиты проиллюстрированы на рисунках 2, 8 и 10. Единственные изменения обнаруживаются в идеологической и экономической дихотомиях (рис. 4 и 6). Позиции консервативной идеологии среди польских окол властных интеллектуалов заметно укрепились, а свободнорыночные идеалы во многом утратили свою привлекательность. Тем не менее даже и в этих категориях, несмотря на значительную эволюцию в государственническую сторону, первоначальные либеральные предпочтения не были вытеснены государственническими. Для польских интеллектуалов с самого начала исследуемого периода идеалом было демократическое и этнически толерантное государство с либеральной идеологией, свободнорыночной экономикой и прозападной внешней политикой. Этот идеал сохранился и до сих пор. Подобная стабильность свидетельствует о большей приверженности первоначальным либеральным принципам.

Динамика значимости отдельных дихотомий в общем дискурсе и периодизация дискурса по доминирующим дихотомиям. В повестке дня российских интеллектуалов, сотрудничающих с правящим режимом, на всем протяжении постсоциалистического периода доминировали экономические вопросы (рис. 11). Идеологические и политические проблемы занимали второе и третье места, а внешнеполитические и межэтнические дискуссии вызвали меньший интерес. Если популярность экономической дихотомии со временем снизилась (за исключением 1993 г. — начало массовой приватизации и 1998 г. — дефолт), то значение всех других дихотомий в общей структуре интеллектуального дискурса, наоборот, возросло. Пик относительной значимости идеологической

дихотомии пришелся на 1996 г. (первые президентские выборы и призыв Б.Ельцина выработать новую, государственническую идеологию). Политическая дихотомия становилась особенно популярной в 2000 г. (вторые президентские выборы). Значимость внешнеполитических дискуссий в общей структуре постсоциалистического дискурса была относительно стабильной. Их популярность усиливалась лишь в 1999 и 2001 гг. (во время косовских событий и террористических актов в США) и заметно снижалась в 1993, 1996 и 2000 гг., во время важных внутриполитических событий (ропуск и перевыборы парламента, первые и вторые президентские выборы).

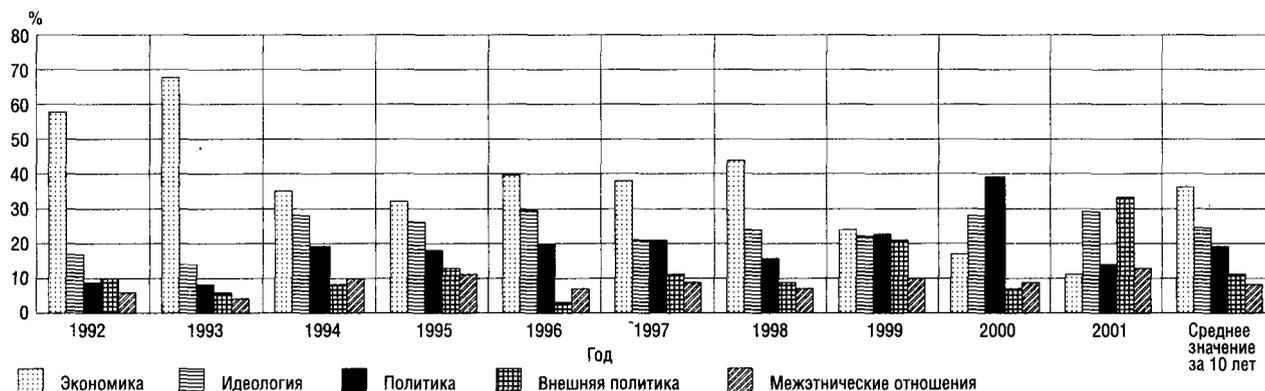
Наименее обсуждаемой была область межэтнических отношений. Ее значимость несущественно возрастала в 1994, 1996 и 2000 гг. (первая и вторая чеченские войны, первые и вторые президентские выборы). В эти годы по частоте обсуждаемости дихотомия межэтнических отношений занимала четвертое место. Очевидно, что этнические проблемы интеллектуальной элиты привязываются к победам на президентских выборах.

Изменения в относительной значимости отдельных дихотомий свидетельствуют о структурных переменах в дискурсе российской интеллектуальной элиты. Если в начале исследуемого периода (1992–1993 гг.) интеллектуальный дискурс отличался экономоцентризмом, то впоследствии (1994–1998 гг.) он стал более гетерогенным, и экономика перестала в нем доминировать. Начиная с 1999 г. дискурс имеет политико-идеологическую конструкцию.

Структурные изменения дискурса абсолютно логичны, если учесть перемены, произошедшие в составе окол властной интеллектуальной элиты. До 1994 г. экономоцентрический дискурс артикулировался действующими экономистами-политиками, такими, как Е.Гайдар, А.Чубайс, С.Васильев и др. Их главной задачей была попу-

Рисунок 11

ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ДИХОТОМИЙ В ОБЩЕМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

ляризация свободнорыночных экономических реформ, трактуемых ими вне привязки к политическим процессам. Не случайно в их дискурсе практически отсутствуют упоминания политики или идеологии. На смену им пришли не только новые правительственные экономисты (например, А.Шохин, Е.Ясин, А.Лившиц), но и кремлевские идеологи (Г.Сатаров, А.Салмин, В.Никонов). Именно они "разбавили" предыдущий **экономоцентризм**, что привело к появлению смешанного типа дискурса. В период правления В.Путина роль действующих интеллектуалов-политиков как коммуникаторов дискурса снизилась. Их место заняли профессиональные идеологи (Г.Павловский, С.Кордонский и др.), гораздо больше внимания уделяющие политическим и идеологическим темам.

Польские коллеги, как и российские околовластные интеллектуалы, были столь же внимательны к экономическим проблемам (рис. 12). Значение экономической дихотомии в общей структуре польского интеллектуального дискурса возрастало в 1996–1997 и 2002 гг., т.е. во время парламентских выборов и важных переговоров с ЕС. (Интересно, что в начале исследуемого периода в дискурсе польских интеллектуалов, сотрудничающих с политической элитой, преобладали политические и идеологические темы. Однако постепенно их значение уменьшилось, в то время как популярность внешнеполитической дихотомии возросла.) Дихотомия межэтнических отношений наименее важна для польской интеллектуальной элиты.

Как и в российском случае, в польском постсоциалистическом интеллектуальном дискурсе можно выделить три периода *Первый* (1989–1992 гг.) — политико-идеологический. *Второй* (1993–1997 гг.) — экономический. Нынешний дискурс польских околовластных интеллектуалов имеет два структурообразующих элемента — политико-идеологический и экономический. Такая эволюция

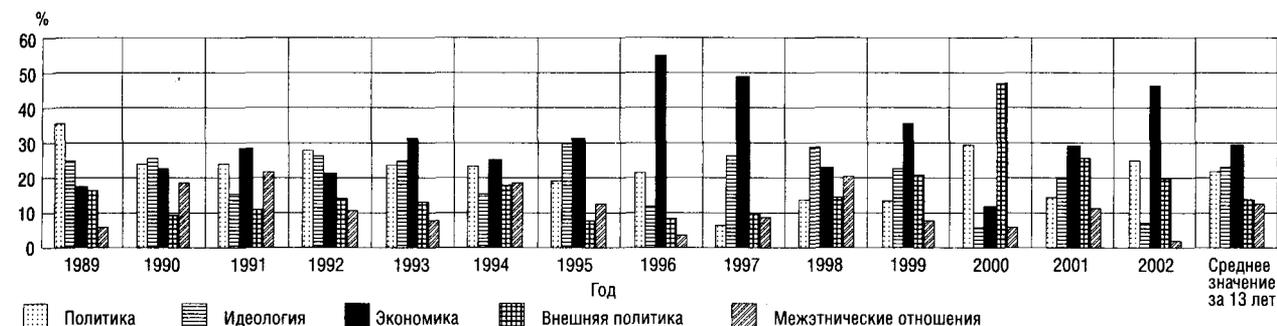
дискурса несомненно свидетельствует о ротации среди польской интеллектуальной элиты, сотрудничающей с правящими и властными структурами. Либеральные интеллектуалы (лагерь пост-Солидарности) обычно более внимательно относятся к политическим, идеологическим и внешнеполитическим проблемам, а социал-демократически настроенные интеллектуалы (посткоммунистический лагерь) концентрируют свое внимание на экономических вопросах.

Структурные изменения в дискурсах российских и польских интеллектуалов свидетельствуют о фундаментальном различии в их подходах к выражению официальных позиций для общественного потребления. Российские либеральные интеллектуалы, составлявшие проправительственную интеллектуальную элиту в начале постсоциалистического периода, не сумели создать политико-идеологическое обоснование проводимым в стране экономическим реформам и — как результат — их либеральные инновации не имели общественной поддержки. Польская либеральная интеллектуальная элита, рекрутированная в начале исследуемого периода, избрала другую стратегию. Она начала с объяснений политических последствий фундаментальных экономических преобразований. В результате, когда ей на смену пришли социал-демократически настроенные интеллектуалы, демократические идеи уже глубоко укоренились среди как элит, так и населения, а новое социал-демократическое правительство могло сконцентрировать свои усилия на экономических проблемах.

Выводы. От либерализма к государственничеству: смена установок российских интеллектуалов. Априорно я рассматривала гипотезу, согласно которой в дискурсе российских проправительственных интеллектуалов произошли резкие изменения. Я предполагала, что в 1999 г. на смену первоначальному либеральному дискурсу пришли

Рисунок 12

ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ДИХОТОМИЙ В ОБЩЕЙ СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

элементы государственничества. По времени изменения в дискурсе интеллектуальной элиты совпадали бы с назначением В.Путина на пост премьер-министра. Я рассчитывала обнаружить перемены по всем пяти дихотомиям. Однако данные, полученные в ходе контент-анализа высказываний представителей российской околовластной интеллектуальной элиты, свидетельствуют о несколько ином развитии событий.

Элементы либерального дискурса, доминировавшие в 1992—1993/1994 гг., т.е. до роспуска и перевыборов парламента, принятия новой Конституции РФ и начала первой чеченской войны, постепенно, а не форсированно, как предполагалось мной в начале исследования, эволюционировали в сторону государственных установок. Единственным исключением является экономическая дихотомия. В то же время государственный дискурс, поначалу периферийный среди российских проправительственных интеллектуалов, стал усиливать свои позиции. Существование либерального и государственнического дискурсов привело как к постепенному вытеснению либеральных принципов государственных, так и к "огосударствлению" самого либерального дискурса. К 1999—2000 гг. произошло слияние государственнического и модифицированного (в государственническую сторону) либерального дискурсов российской интеллектуальной элиты.

Тем не менее победа государственных дискурса не была окончательной. Некоторые элементы либерализма сохранились и были включены в нынешний интеллектуальный дискурс. В первую очередь это касается свободнорыночной модели — ключевой категории для либералов. В результате сегодняшний дискурс российских интеллектуалов совмещает ультралиберальные экономические установки с типично государственнической политической, идеологической, внешнеполитической и межэтнической фразеологией. Такая комбинация установок не может быть долговечной. Политологическая литература приводит множество эмпирических примеров и теоретических причин, по которым свободный рынок и государственническая модель не могут долго сосуществовать¹. Внутренняя логика свободнорыночной экономики, базирующаяся на принципах рациональности, независимости и от-

ветственности индивида, не совместима с государственноцентрическими, авторитарными, изоляционистскими и националистическими установками, лежащими в основе государственных модели. Политика, строящаяся на таком несовместимом гибриде, не может достичь поставленных перед ней целей. Рано или поздно российским интеллектуалам придется выбирать между либерализмом и государственным. В данной статье я лишь обозначаю проблему отсутствия внутренней логики в современном дискурсе околовластных российских интеллектуалов. Более детальный анализ последствий несовместимости элементов дискурса выходит за рамки данной работы.

Очевидно, что либеральный интеллектуальный дискурс претерпел большие изменения, чем его государственный эквивалент. После 1999—2000 гг. единственной разницей между либеральным и государственным дискурсами стала апологетика более сильного присутствия рынка в экономике, характерная для либералов. Различия же в политической, идеологической, внешнеполитической и межэтнических областях минимальны. Это различия нюансов, а не принципиальных позиций. Так, и либералы, и государственники не исключают авторитаризма как положительного фактора российской политической жизни. Разница заключается лишь в том, что для либералов такое состояние является временным, а сам авторитаризм — инструментальным по отношению к возможному достижению демократии, тогда как для государственных авторитаризм самодостаточен и желателен. В идеологической сфере усиление роли государства и ограничение личных свобод для либералов является вынужденным шагом. Для государственных, однако, интересы государства священны, само государство играет роль опекуна, без которого невозможно функционирование общества, а усиление государства при этом является жизненно необходимым. В сфере внешней политики желание либералов противопоставить Россию Западу продиктовано их надеждой, что в качестве сильной державы Россия в перспективе будет более привлекательна для Запада. Государственники же скептически относятся к самой идее союза с Западом. Хотя современные либералы и говорят об уникальности России, они не считают, что такое своеобразие достойно сохранения. Государственники видят необходимость развития национальной идеи именно на основе национальных особенностей России. Таким образом, либералы и государственники разнятся лишь в выборе весьма отдаленных целей. Пути же их достижения практически идентичны.

¹ См., например, такие классические работы, как: *Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy // American Political Science Review. 1959. March. P. 69–105; Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966; Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven (N.J.): L., 1971.*

Стабильность либеральных установок польских интеллектуалов. В начале исследования я рассматривала рабочую гипотезу, согласно которой в течение постсоциалистического периода польские интеллектуалы, сотрудничающие с правящим режимом, поддерживали сильную демократию, либеральную идеологию, **свободнорыночную** экономическую модель, прозападную внешнюю политику и **проевропейский** тип национализма. Кроме того, я рассчитывала обнаружить и существенное присутствие элементов **государственнического** дискурса в идеологической и межэтнической дихотомиях. Я предполагала, что данные предпочтения отличались стабильностью. Эти гипотезы нашли лишь частичное подтверждение.

Из моих данных следует, что первоначально польские проправительственные интеллектуалы поддерживали сильную демократию и прозападную внешнюю политику (элементы либерального дискурса). Гипотеза о сосуществовании положительных оценок **свободнорыночной** модели и модели управляемого рынка тоже подтвердилась. Однако данные контент-анализа не выявили присутствия сильных националистических предпочтений среди польской интеллектуальной элиты. Зато элементы **государственнического** дискурса были обнаружены в идеологической дихотомии. Таким образом, первоначальные предпочтения польских интеллектуалов, хотя в основном и соответствовали принципам либерального дискурса, включали в себя и **государственнические** элементы (в идеологической и экономической областях).

Гипотеза о стабильности дискурса польской проправительственной интеллектуальной элиты тоже подтвердилась лишь частично. Хотя политические, внешнеполитические и межэтнические предпочтения не претерпели существенных изменений и остались по сути либеральными, в идеологической и экономической дихотомиях произошел сдвиг в сторону большего консерватизма и государственного регулирования. Однако даже в этих, относительно более **государственнических** областях первоначальные либеральные принципы не были до конца вытеснены.

Таким образом, идеологические и экономические предпочтения польской интеллектуальной элиты подвержены постоянной переоценке. Зафиксированные мной конфликты в этих областях являются следствием избирательной борьбы между либеральными и консервативными (идеологическая дихотомия) и либеральными и социал-демократическими (экономическая дихотомия) элитами. Результаты моего анализа, таким образом, подтверждают выводы

многочисленных польских ученых о наиболее конфликтных зонах польской политики¹. Эти конфликты касаются прежде всего споров о наиболее оптимальной экономической модели и дискуссий о подходящей для Польши идеологии. Интересно, что в Польше экономические проблемы подвергаются постоянному переосмыслению, тогда как в России интеллектуальная элита трактует экономический либерализм (**свободнорыночную** модель) как абсолютную ценность, не подлежащую обсуждению. Последний факт особенно неожидан, если принять во внимание сильное общественное неприятие свободнорыночной модели в России². Для польской интеллектуальной элиты экономический либерализм не самоцель, а лишь инструмент, одна из многих (и необязательно лучшая) стратегий. Не случайно дискурс польских околовластных интеллектуалов отличается меньшим **экономоцентризмом**, чем дискурс их российских коллег. С самого начала польские экономические реформы были представлены как политический проект, а не только как самодостаточная цель. Последнее свидетельствует о том, что польская интеллектуальная элита старалась обеспечить общественную поддержку, необходимую для проведения правительственного экономического курса.

Независимо от ротаций внутри польской интеллектуальной элиты и отсутствия консенсуса элит в идеологической и экономической областях между польскими околовластными интеллектуалами наблюдается согласие по трем из пяти областей. Это обстоятельство свидетельствует, что, несмотря на меняющийся состав польской интеллектуальной элиты, такие принципы либерального дискурса, как сильная демократия, сотрудничество с Западом и этническая толерантность, разделяются всеми околовластными интеллектуалами независимо от политической самоидентификации. Именно эти установки представляют важные, самодостаточные и не-

¹ См., например: *Boski P.* O dwóch wymiarach Lewicy i Prawicy na scenie politycznej // *Wartosci i postawy polakow a zmiany systemow: szkice z psychologii politycznej* / Ed. J.Reykowski. Warszawa, 1993; *Reykowski J.* Zmiany systemowe a mentalnosc polskiego spoleczenstwa // *Wartosci i postawy polakow a zmiany systemowe: szkice z psychologii politycznej* / Ed. J.Reykowski. Warszawa, 1993; *Reykowski J.* Spor miedzy prawica a lewica: os konfliktu spoleczno-ekonomicznego // *Narod. Wladza. Spoleczenstwo* / Ed. A.Jasinska-Kania, J.Raciborski. Warszawa, 1996; *Wiatr J.J.* Nie zmarnowalismy tych lat: Sejm, rzad, lewica. Warszawa, 1998.

² См.: *Левинтова Е.* Политический дискурс в контексте общественного мнения в постсоветской России // *Мониторинг общественного мнения...* 2002. № 5. С. 18-33.

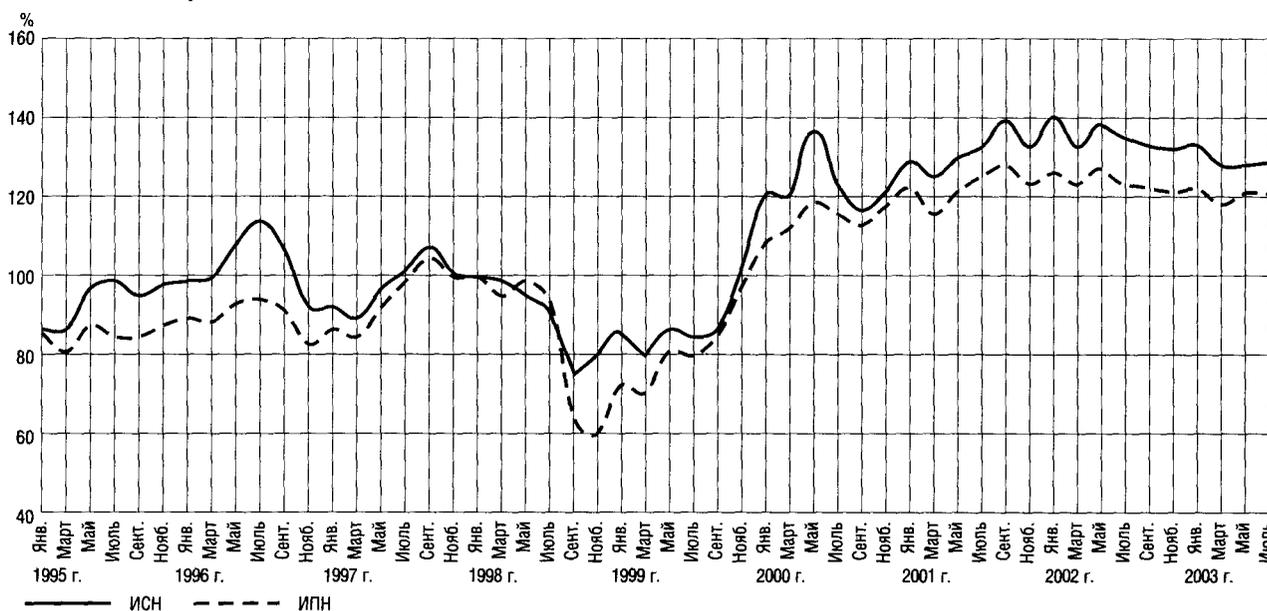
подвергаемые сомнению цели, а не просто механизмы для достижения **свободнорыночной** экономики, как это наблюдается в России.

После выявления наиболее общих закономерностей в эволюции дискурса российских и польских интеллектуалов, сотрудничающих с правящей политической элитой, встает следующий, возможно, более важный вопрос. Каковы причины нестабильности российского интеллектуального дискурса и постоянства его польского эквивалента? Самый простой ответ: таковы взгляды и ценности самих интеллектуалов. Но нельзя забывать, что мы имеем дело с околовластными интеллектуалами, которые не совсем свободны в выражении собственных мнений. Именно поэтому в данной статье я привязывала эволюцию интеллектуального дискурса к важнейшим внутренним и международным событиям с участием политических элит двух рассматриваемых стран. И российские, и польские проправительственные интеллектуалы функционируют в

демократической среде. Следовательно, они должны обращать внимание на состояние общественного мнения. Ведь интеллектуалы, сотрудничающие с властями, транслируют официальную позицию для широкого общественного потребления с целью либо заручиться общественной поддержкой для себя лично (если они входят в число интеллектуалов-политиков), либо чтобы обеспечить переизбрание своим политическим "заказчиком" (если они входят в интеллектуальное окружение политической элиты). В какой степени они прислушиваются к общественному мнению?

В следующей статье я сравню тренды эволюции дискурсов российской и польской интеллектуальных элит с трендами в эволюции общественного мнения в обеих странах по пяти дихотомиям, использованным в данной работе. Это позволит мне полностью ответить на вопрос о причинах нестабильности и стабильности в постсоциалистических дискурсах российских и польских интеллектуалов, сотрудничающих с властными структурами.

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН) И ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), январь 1998 г. = 100%

Разработанный во ВЦИОМ индекс социальных настроений (ИСН) является обобщенным показателем динамики массовых настроений российского общества, выражающим влияние массового сознания на развитие страны. Индекс потребительских настроений (ИПН), измеряющий динамику настроений потребителей, также основан на данных регулярных опросов ВЦИОМ и является совместным проектом фонда ИПН, Центра Развития и ВЦИОМ.

Значения этих индексов по результатам замеров 2003 г. установились на уровне, достигнутом весной 2001 г. В июле 2003 г. ИПН остался на уровне предыдущего, майского замера, а величина ИСН несколько возросла и составила 97,4 пункта. Однако оба показателя по-прежнему остаются на более низком уровне, чем год назад.